

С самого утра Прокопевна впала в отчаянное волнение. Оно накрыло её в тот момент, когда старушка оторвала листок календаря. После тщательного его изучения почти слепыми глазами, в нарастающей тревоге ей удалось рассмотреть, что наступило девятнадцатое число. Едва дождавшись, пока внучка поднимется с постели, она кинулась к ней в слезах:

– Доча, мы ведь Юрочку с Днём рождения забыли поздравить!!!

Но ужасная новость не произвела на Асю должного эффекта, а, напротив, не на шутку разозлила:

– Баб, ну сколько можно? А?! Ты достала уже с Юрочкой своим! Сил нет! Трындец, блин! Когда у дядь Юры День рождения?

– Восемнадцатого.

– А месяц ты хорошо запомнила, в каком сына родила?

– В марте... в Акмолинске ещё снег лежал.

– А сейчас что?

– Что?

– Октябрь-брь уж наступил... полгода ещё до Юрочкиного Дня рождения! А ты мне каждый месяц концерты закатываешь! Зла не хватает. Вот езжай к своему Юрочке и целуйся с ним!

Прокопевна пристыженно вжала голову в худые плечи и нетвёрдо засемила в свою комнату, корректируя продвижение по длинному коридору осторожным касанием стены рукой, тихо шепча сама себе:

– Ну, иди тогда, Прокопевна, в свою ателье...

– Баааб, – взревела ей в спину взвинченная Ася, – ну сколько раз повторять – хватит обои пачкать! Года ещё не прошло после ремонта, а уже чёрная полоса по всему коридору от твоей руки!

– Да где-то палочку свою посеяла, – оправдываясь, залепетала

старушка, продолжая движение наощупь, сгорбившись сильнее.

Ася ревновала бабушку к своему дяде, успешному московскому адвокату, который вспоминал о слепой девяностолетней матери исключительно по праздникам. По убеждению Аси, бабушка должна всецело и безраздельно обожать, боготворить только её, Асю, и отдавать всю пенсию только ей. Но вредная капризная старушка ежедневно вспоминала о милом Юрочке, что потерялся на неприятливой чужбине один-одинёшенек в зловещих столичных лабиринтах юриспруденции.

Дядя – седой солидный господин с насмешливым прищуром и ежеминутными ёрническими подколками, всегда вызывал у Аси тревожные подозрения, как бы на нашу хибару глаз не положил. Им там, столичным адвокатским бесам, запросто любую жилплощадь оттяпать. Ничего святого! Нас-то всё поносит, мол, провинция немытая, а приведись до дележа, так и не побрезгует родным грязнопупинском. А чего ещё ждать от человека, для которого суд – дом родной и кормушка. Отъел ряху на чужом-то горе.

Себя Ася почитала за героиню-великомученицу – дохаживать древнюю больную бабушку с пожизненной инвалидностью – тяжкий груз, и за это они ей все обязаны ноги целовать: и московский дядя, и мамочка – та ещё непредсказуемая мадам. А то больше что-то не нашлось желающих за старушкой глядеть, а как помрёт? Сразу налетят вороны – наследнички. Хорошо, что Ася давно сообразила вырвать у бабуся дарственную на квартиру, а эта бумажка, как известно, обратного хода не имеет и в суде не оспаривается. Обломитесь, все адвокаты!

Прокопевна долго держала в сухих ладошках детскую Юрочки-

ну фотографию. Рассмотреть уже не могла, но помнила всё до мельчайших подробностей: в пенных крахмальных кружавчиках лежит смешной очаровательный малыш с круглыми глазами в казённой ясельной панамке:

– Груздок, ты мой! Груздок!

«Закапывание глаз» заняло сегодня больше времени, чем обычно. Руки дрожали, и старая липкая пипетка проносила лекарство мимо. Наконец капли попали в два голубых «озерца», на некоторое время проявив чёткость контуров окружающего мира. А утренний оздоровительный ритуал продолжился. Таблетки были разложены на всю неделю по пробкам от пластиковых бутылок: в «беленьки» – утренняя доза, а «синеньки» – те на ночь. Раньше Прокопевна ещё делала зарядку – незамысловатые движения сидя, но уже давно больно было даже тряхнуть головой, шум в ушах поднимался, словно в ураган попала.

– Охы, доча, да что ж это я так помногу таблеток-то пью? – обратилась старушка к зашедшей в её «келью» внучке. – Может, хватит уш мне их пить? Хватит деньги-то почём зря переводить?

От сказанного Ася на миг приостановила энергичное рытьё в шифоньере:

– Нет, ты чё, меня сёдня решила окончательно dokonать? Пей давай быстро! Чего хочешь, чтоб парализовало на хрен? Вспомни, сколько после инсульта отваживались? Я не хочу за тобой лежачей памперсы менять!

– А я ведь, доча, ниччо не помню! Помню только, как язык тяжелел. Страшно это – никому я не хочу надъедать! Ты, если там чево, ты сдай меня в детдом.

– Куда? – Ася нервно хохотнула.

– В дом инвалидов, как Леночка из пятой квартиры свою све-кровку.

– Нет уж! Хренушки! Им тогда и пенсию отдавай и хату. Государство – не дураки, за-просто-так с вами нянькаться!

Ася надевала модную блузку и злилась, что обнова, ни разу не надёванная, стала тесновата.

– Ты, доча, на работу?

– Какая работа? Окстись! Суббота ж сегодня!

Прокопьевна заметно встревожилась:

– А куда? Куда собираешься?

– Да так... пойду с Викой прошвырнусь... к знакомым... – неопределённо повела плечами Ася.

– Давай там не как тудыличи – еле-еле порог перешагнула. Ох, как же противно, когда женщина пьяная!

– Строить меня заканчивай! Без тебя как-нибудь разберусь!

– Ты, доня, не сердись. Но всегда помни – первую рюмочку пригубила, а вторую – уже всё. Извините, не могу тебя дома бабушка старенькая больная ждёт. А не так чтоб по всей! Ежли норму свою не знать... – то это чё-то с головой... А уж этт-та твоя В-вик-ка!!! Она ж, как конь, ведро заглонёт – не поморщится! А ты гонишься за ней? Зачем? И чему она тебя хорошему научит? Охы, как вспомню, как вы с ней на Новый год!.. Лежат – две лосихи... вином пахнет... Фу!

– Слушай, ты хорош уже! Иди детей своих поучи... правилам хорошего тона! Чё-то не сильно они к тебе бегут, хоть их годами бабушка старенькая больная ждёт! Чего у меня в жизни-то хорошего есть? Ни мужа, ни работы приличной! Впахиваю за три копейки, дак ещё и в собственные выходные на тебя смотреть! Хочешь последней подруги меня лишить?!

– Доча, у тебя же сын! Сутками ребёнок в ящик пялится, а матери хоть бы хны! Вот чего он там видит-то? Цельный день: тум-тум-тум-тум. Как в кузне!

– Да, уж музыка точно – такой, наверное, фашисты в концлагерях пленных пытали, – Ася решила переклЮчить свой гнев с бабушки на сына: – Олежка, ну-ка выключай комп! Ты меня слышишь? А?! Открой!!! – Ася отправилась ругаться с вечно запертой дверью в детскую.

Правнук Олежка – ещё один человек, любимый Прокопьевной беззаветно. Любовь эта, правда, видимого отклика не находила и на Олежкином поведении не отражалась. «Но ведь на то он и мальчик, не гладью же ему вышивать, в конце концов. Подрастёт – поймёт!» – успокаивала себя Прокопьевна.

Горячо любимый правнук реагировал на её просьбы и замечания не иначе, как на привычный бубнёж с экрана – то есть никак. Но зато он радовался и чмокал старческую щёку, когда Прокопьевна умудрялась пожарить ему картошечку с корочками.

А как начнёт бабушка поучать, типа: «Давай учись! Не выказывай! Помогать-то некому, самому придётся дорогу в люди пробивать. Бросай ты эту свою трындычиху – капютер. Он у тебя жизнь отнимает!», то на это сам собой нашёлся безотказный способ дрессировки надоедливых старушек: показать питомца – ручную домашнюю крысу, даже и показывать не надо, можно просто сказать: «А вот у меня Пипа, хочешь поддержать?»

В ответ Прокопьевна как шёлковая ретируется под испуганные причитания:

– Вот сказали бы, возьми мыша или руку отрубим, а я бы сказала – нате рубите руку, не возьму мыша...

Когда за Асей захлопнулась дверь, Прокопьевна села на своё привычное место в кресле у окна, где и проходили её одинокие дни.

– Иди, Прокопьевна, на окошечке погуляй, – часто ободряюще

говорила она себе, ведь на улицу без посторонней помощи выйти не могла, а балкона в старой квартире предусмотрено не было. Приладив к уху крошечный радиоприёмник – единственное средство общения с внешним миром, принялась «гулять», стараясь что-то разглядеть в окно. Внешне это выглядело привычно, но на самом деле старушка видела только размытые пятна и неясные очертания домов, деревьев и машин, движущихся по проспекту.

Вдруг в комнату зашёл Олежка, его порывистый шаг Прокопевна узнавала из миллиона других (только он так стучит пяточками, с тех самых пор, как только научился ходить). Правнук сел напротив, на маленькую табуретку:

– Баб, чё делаешь? Пошли в «контру» сражнёмся, – семиклассник заливисто рассмеялся своей шутке, представляя, как его старенькая прабабушка расстреливает террористов из «калаша», приговаривая своё обычное: «Светконец! Даже синяки по телу пошли... от переживания!»

– Раньше мы играли с дедынькой в «дурачка». Охы, как же он пригрывать-то не любил. Щас бы сыграла бы с тобой, сынок, да глазыньки мои ниччо не видят. Вундеркиндер ты мой!

Да и когда было нам в игры-то играть? Дедынька всё на заводе, я в детсаде. Дача – десять соток. Картошки – поле, не видать, где кончается. А как дело к осени, тут пововсе начинается мой консервный завод: варенье, засолки, маринады... Канпоты Юрочка сильно любил. Всё уж... никто ему больше вкусенького не изделает. Совсем закорючилась Прокопевна...

– Да он себе всё в магазине купит, баб.

– Не-ет в магазине мамино не продают...

– Баб, а Расскажи, как в деревне жили.

– Хорошо жили. Всё было. Березняк такой огромный был – берёзыньки аж светятся. Церква в голубенькой шапочке на взгорке стоит. А поп такой красатуня, кудрявый-кудрявый. Меня в честь него Долматом прозвали. Баба твоя молоденькая тоже сильно кудрявая была. Бывалыча, прилижу волосы, платком завяжу, а они снова шапкой, вверх куделями.

– А вы в чё там играли тогда?

– В деревне, сынок, играть некогда. Утром мама собирается на пашню с тремя старшими, а нам с Зинаидой наказывает в доме прибрать и огород прополоть. А Ивану – чтоб воды натаскал. А кадкито здоровенные! К речке-то через поле гречишное надо идти, а оно, как море – волнами, волнами колыхнется. И запах, как в Раю! Мы маленькие целый день по дому, по огороду работаем – старших с пашни ждём. Бывалча, пойдём в огород коноплю убирать да мять – выходим как пьяные...

Олежку сдуло с табурета приступом истерического смеха:

– Ахха-ха-хаа... – у вас чё там, деревня-то наркоманская, што ль, была, вы там поди ганджубаса обкурились и загонялись весь день!!!

– Да-да, весь день не загонялись – работали и масло конопляное жали, лён сами ткали, всю зиму пряли. Моя ниточка самая тонкая была – на рубахи, а Зинаидина толстая да комковатая – на мешки. Да два огромных анбара зерном заполнить надо. Дед Матвей такой могучий, бывало, в горницу зайдёт, как вроде всё полно становится, он в Америку хлеб парходами торговал.

– Он бы нам лучше в Америке-то побольше родственников оставил.

– Родственников – тьма. Одних дядьков – полдервени было.

Всех разорили. Двух маминых братьявёв с семьями, с детьми по семь, по восемь душ – в Нарым сослали, там они все и заганули. Вот, а дедынька меня всю жизнь, как во зле, так – кулацкая морда называл. А эта кулацкая морда такого горя хлебнула. Мама успела нас с Зинаидой в город в няньки определить. Так Зинаида с одиннадцати лет, а я с девяти – в людях.

– Дык и чё? Всё одна только работа и работа? Вообще, што ли, не играли ни в чё?

– Да почему, играли. Сиганём через забор к Максимкиным. Они лодыри были, мы их подкармливали. Потом у нас всё поотобрали и им отдали, раскулачили в пользу бедняцкой семьи. Через год у них така же разруха началась, как и до этого. Это у нас строгость и порядок, а у них всё можно. Картошку кольцами прилепим прям к печке – печем, значит. А то возьмём, петуха в ковшик запряжем и полный ковш цыпляточек насадим – это у нас свадьба едет. А собачонка наша косматушка радывается, аж разрывается.

– Баб, а у тебя свадьба была?

– Не было, сынок, никакой свадьбы. Мы даже девять лет с дедынькой не расписаны жили – всю войну, ни о чём не думали. Не до того было, да и не хотела брать его татарскую фамилию. Потом уж Зинаида заставила, чтоб все на одной фамилии были записаны. Юрочка-то у меня двойнёвый родился. Второй мальчик и весом больше был и закричал сразу, но вот помер сразу после рождения. А Юрочка такой пикунёнок. Слабенький. Ел плохо, болел часто. Температурил. Выживала его... ой... – Прокопевна заплакала, промокая вышитым платочком невидящие глаза.

– Не плачь, баб, дядя Юра щас вон какой кабаняка... мама так говорит. Хочешь «Кока-колы»? У меня есть.

– Ты ж мой зюсюнок. Лапынька ты моя! Не люблю я эту колоколу, она лекарством пахнет.

– Вот вечно у тебя так: варенье Акмолинском пахнет, беляш – конём. А ты б чего сейчас вообще хотела? – поинтересовался зюсюнок, пряча мечтательную полуулыбку.

– Да ничего я, сыночек, не хочу. Аппетиту совсем нет. Хочу только, чтоб ты путёвым человеком вырос, выучился бы, не портил глазыньки свои об этот ящик, а то ведь всю жисьть потом казниться... и...

– Так, всё – началось в деревне лето! Ну, ладно, я пошёл.

«А уж летушко-то в деревне...» – Прокопевна задумалась, хотела рассказать Олежке, но он уже убежал по своим неотложным делам.

Зашумели перед её внутренним взором белотелые «берёзыньки», заволновалось духмяное гречишное море, нет которому ни конца ни края, замычала в коровнике тучная кормилица, и подросшие козлята, которых весной выкармливали из детской соски, выясняли на чистой полянке свои сложные подростковые отношения.

На сегодняшний день план у Прокопевны был задуман вполне реальный: натушить бигус (благо всё для этого есть) и постирать замоченные со вчерашнего Олежкины носочки. Половик решила сегодня не шоркать – голова не даёт, да и ночью снова кровь носом шла. Хорошо наволочку не запачкала, а то бы Ася переживала: «Да сейчас-то стирка, это не то что раньше. Вода горячая – эт-ж Рай, хоть весь день гусём полощись. Вот в деревне стирали: в огромном чугунном чане с золой замачивали бельё, а бельё-то всё алленое (льняное) тяжёлое. Полоскали в речке, зимой в ледяной проруби. Потом валками елозили... гладили вишь так. А в казённой-то фатере состирнуть – радость одна!»

При готовке бигуса старушку одолели сомнения. Олежка капусту не больно-то жаловал. «Ну, ниччо, добавлю два куриных кубика – всё смолотит. Кетчу свою нальёт. Организим молодой, чего ни дай – всё как в топку паровозную...» – успокаивала себя Прокопевна.

Вечером перед сном Прокопевна расчесала гребешком жидкие сизые кудряшки, помолилась на угол, где по её мнению стояла икона «Спас Нерукотворный» (ещё полгода назад упавшая за комод), три раза перекрестилась. Легла в постель и поняла, как сильно она устала: «Вот вроде и сделала всего-ничего, а упеталась, будто смену отстояла... ну зато план выполнила – некому только трудодни записать».

Лёжа в постели без сна, Прокопевна томилась в тревожном ожидании. Наконец, далеко за полночь в замочной скважине зашебуршал долгожданный ключ, по этому звуку Прокопевна безошибочно определила, по признакам, известным лишь ей одной, что Ася вернулась в изрядном подпитии. Это привело старушку в сильное душевное смятение и прогнало сон:

– Мы же Громы – гордые. Не было в нашем роду пьяниц. Это всё подруга, шалашовка окаянная, внучку с панталыку сбивает. Асенька, она ж доверчивая, варежку разявит и бежит за ей, чего та скажет...

В споры с пьяной внучкой Прокопевна вступать не стала, знала, что, кроме обидных слов в свой адрес, ничего не услышит. Когда Ася угомонилась, Прокопевна беззвучно, как тень, прошла

в её комнату. Слабое зрение давало единственное преимущество – ориентироваться в темноте не хуже, чем днём. Рядом с диваном, на котором сопела распластанная тушка, Прокопевна, как и ожидала, нашарила литровую коробку дешёвого вина.

Как начинающий воришка, с колотящимся сердцем понесла «тетрапак» в свою комнату, чтобы спрятать за кресло, наивно полагая, что эта нехитрая манипуляция убеждёт Асю от запоя. Выливать не стала, боясь гнева импульсивной внучки и заранее подозревая о тщетности своих попыток: «Эх, взять бы всю на свете пьянку – да изничтожить враз лучом лазаря*!» (*Лучом лазаря – здесь лучом лазера)

Проходя по тёмному коридору, заприметила свет в комнате правнука. Несмотря на поздний час, работал компьютер. На осторожный стук Олежка не отозвался.

– Спит уж, наверное, а ящик-то свой не выключил. Снова будет теперь цельну ночь элехтричество зазря мотать.

Прокопевна уснула быстро, ведь её любимые были дома, и весь дневной план выполнен. Она всё падала и падала в свой сладкий спасительный сон – в прекрасную волшебную страну, где светятся белотельные берёзоньки. Могучий дед Матвей заходит в горницу. Запряжённый петух везёт по двору полный ковш цыплят. В коровнике мычит тучная кормилица. На взгорке стоит белая церковка в голубой шапочке. Волнуется духмяное гречишное море, и нет ему ни конца, ни края, а запах, как в Раю!

И всё хорошо...